

The background of the cover is a painterly illustration. It depicts a young man with dark hair and a serious expression, looking upwards. He is wearing a light blue zip-up jacket and holding a set of keys in his right hand. A small, red, ladybug-shaped pendant is attached to the chain of the keys. Behind him is a large, red, curved building with arched windows and balconies. The sky is a pale, hazy blue. The overall style is that of a modern, textured oil or acrylic painting.

КОЛДУН

С НЕГЛИНКИ

Саша Степанова

Young
Adult

МИО

МИФ Проза

Саша Степанова

Колдун с Неглинки

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2023

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Степанова С.

Колдун с Неглинки / С. Степанова — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2023 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214196-8

Сказочное городское фэнтези о старшекласснике, который попадает в мир колдунов и узнает, что сам родился одним из них. Мирон Отдельнов живет в подмосковном Видном, дружит с соседкой Алисой и готовится к ЕГЭ. Вроде бы все идет по плану (не самому продуманному, но какой есть), пока однажды он не решает помочь старушке дотащить до дома сумку... Так Мирон случайно поступает в подмастерья к ведьме и узнает, что может исполнить любое желание. Главное, принести «жертвочку». Вот только стоят ли эти желания встреч с опасной и хитрой городской нечистью? Ведь каждая такая встреча может оказаться последней.

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-214196-8

© Степанова С., 2023
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2023

Содержание

Часть I. Темный лес. Видное, 2017 год	8
Глава 1. Тень-тень	8
Глава 2. Костяная рука	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Саша Степанова

Колдун с Неглинки

Степанова, Саша

Колдун с Неглинки / Саша Степанова. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2023. – (Red Violet. Темные миры).

ISBN 978-5-00214-196-8

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Саша Степанова, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

*В этом и соль, если поймешь, значит – герой:
Я не хочу ждать тебя здесь, плыть за тобой.
Я не хочу море делить и небеса.
Вот тебе ключ, вот тебе – свет, дальше – ты сам.*

*В этом и соль, в этом и путь – твой от меня.
Я не хочу ждать тебя, звать и прогонять.
Вот тебе меч, лира, корабль, ветер в пути.*

Дальше – ты сам мне расскажи, что впереди.

*Страшно же всем, только один скажет – свети.
Посеял соль – так пожинай море в груди.
Благословлю небо дождем вслед кораблю.
Если герой... Так докажи.
Я посмотрю.*

Ольга Лишина

Часть I. Темный лес. Видное, 2017 год

Глава 1. Тень-тень

Рассказать о таком, не опасаясь, что тебя назовут психом, можно было только Алисе: она поверит. И доказательство – вот оно. Мирон глянул на левую кисть, перевязанную бинтом, и крутанулся в компьютерном кресле. Ладонь жгло. Порез неглубокий, но на сгибе заживать все равно будет долго.

«Наш ты. Шорный».

– Шорный, – пробормотал Мирон, рассматривая темный монитор. – Бред...

Алиса была в Сети. Мирон напечатал одним пальцем: «Ты дома?»

Она ответила сразу: «Да. Учю».

«Ща приду».

Мирон спустился на первый этаж. В дверях столкнулся с мамой и спрятал руку за спину: объяснять все равно придется, но ничего убедительного в голову пока не пришло.

– К Алисе? – сразу догадалась мама. – В школе не наобщались?

– Угу, – сказал он, обуваясь.

– Ужинать приходите!

Алиса жила в том же доме, за стенкой. Двухэтажные таунхаусы на улице Школьной вмещали четыре семьи: каждая квартира с отдельным входом, парковкой и небольшим участком на заднем дворе. Отец Алисы дядя Толя говорил, что эти дома строили пленные немцы. Какие пленные немцы в пятидесятых? Вроде все это понимали, но байка продолжала существовать.

Мирон прошел под окнами через палисадник и нырнул в Алисину прихожую. Кондиционер работал на обогрев – после уличной сырости здесь было блаженно тепло.

– Я тут! – донеслось из гостиной.

Мирон пошел на голос и, оказавшись в комнате, с размаху уселся на диван. Алиса лежала с влажным полотенцем на лбу. Из-под раскрытых книг и тетрадок виднелись ее длинные ноги.

– Что с рукой?

– На меня бабка напала, – угрюмо признался Мирон. Алиса поднялась так резко, что учебники посыпались на пол. – Бабка с ножом.

– Что-о? – По крайней мере, она взбодрилась. – Отдельнов, мы не виделись всего два часа, когда ты успел?..

– Короче... – начал он и снова уставился на левую ладонь.

Два часа назад они вышли из школы, но учить Мирон сегодня не собирался: надоело. Родители и так достали: «Не катайся в Москву, сиди дома, готовься». Значит, туда он и поедет. С этой мыслью Мирон догреб до платформы Расторгуево. Вернее, почти догреб: мимо остановки шла она. Бабка. Обычная, сумку тащила. Там еще мужик стоял и женщина с маленькой девочкой. Бабка на них посмотрела – и к Мирону: внучок-внучок, тут недалеко, подсоби донести.

– А ты что? – выдохнула Алиса.

– Ну, все стоят, ждут, помогут или нет. Взял я у нее эту сумку...

Бабка даже в лице переменялась – видимо, желающие находились редко. Сумка оказалась неподъемной, как будто внутри были блины от штанги. Мирон виду не подал – потел, но старался шагать бодро. Оказалось, она живет на Советской – ничего себе «недалеко», быстрее было доехать на автобусе. Зашли в подъезд девятиэтажки, и вовремя: еще немного – и Мирон хлопнулся бы в обморок от усталости, голова уже кружилась страшно. Решил дождаться лифта и сбежать. Бабка стоит, кнопку жмет – а лифт не едет.

– Засада, – посочувствовала Алиса. – И ей, конечно, на девятый.

– Точно. Ей на девятый, лифт сломался, и тут я понимаю, что мне финиш. Не надо было в седьмом классе секцию бросать и сутками в комп тупить.

Бабка, разумеется, поохала, боженьку вспомнила и вдруг схватила Мирона за руку – эту самую, левую. Знаю, говорит, потешку одну – и прямо в глаза уставилась. Мирон подумал, что через бабкины зрачки кто-то за ним подглядывает, и ему стало холодно. А она палец скрючила и давай по ладони корябать: *«Тень-тень-потетень, вышел мертвый за плетень, сел покойник под плетень, похвалялся целый день...»* Мирон успел подумать, что слова неправильные, но она уже отпустила, кажется подмигнула даже: *«Наш ты, шорный. Камушки сдюжил – выходит, наш».*

Тут подошел какой-то мужик, тоже нажал на кнопку – и лифт приехал. Мирон поставил сумку внутрь, пропустил бабу, а когда двери начали закрываться, неожиданно для себя протиснулся между ними.

– Зачем?

Мирон пожал плечами.

– Допустим. – Алиса вскочила с дивана и метнулась на кухню. Крикнула: – Чай есть, имбирный! Будешь? – Она принесла две кружки и устроилась напротив Мирона прямо на полу, сложив ноги по-турецки. – Я только одного не понимаю – ножом-то за что? Ты ведь ей помог.

– Помог, – кивнул он. – Прикинь, мне стало любопытно, что это за «наш». Мы поднялись на девятый, и я спросил, чей я, по ее мнению. «Шорный. Что принес-то, глянь». Открываю сумку, а там пусто. Только на дне камни, как с пляжа – маленькие. Я их в руки взял – вообще ничего не весят. Но я же помню, что еле тащил, до сих пор спина болит. Если бы, говорит, был не наш, вообще бы с места не сдвинул...

В светлой комнате с плетеным ковром на полу вся эта история с бабушкой казалась дикой даже самому Мирону. Но порез был настоящим. Алиса тряхнула волосами, собранными в высокий хвост, и потеряла плечи.

– Жуть какая, просто мороз по коже.

– Ты мне веришь?

– Пока не знаю. Может, тебе просто...

– Что мне «просто»? Показалось?..

Мирон знал Алису с первого класса. Познакомились забавно: первого сентября мама забрала его из школы и зачем-то прихватила с собой незнакомую девочку с тонкими черными косичками. Оказалось – новая соседка, только переехали. За ней опаздывали, а мама выручила. Тогда еще был жив их мопс Мистер Пиквик, и Алиса попросила дать ей подержать поводок. Мирон великодушно поделился: он давно привык к Мистеру Пиквику и не понимал Алисиного счастья. Сначала Алиса посидела у них, потом он погостил у Алисы, в школу и из школы – вместе, все праздники – тоже. За это время Мирон всерьез обиделся на нее, кажется, однажды – когда в его девятый день рождения она сидела на качелях среди подружек и только хихикала, поглядывая в его сторону, а он чувствовал себя на собственном празднике лишним. Тогда Мирон ушел к себе и гамал в «Варкрафт» один, а потом еще дня три демонстративно с ней не разговаривал. Правда, когда на выходных родители повезли их в зоопарк, обижаться дальше не получилось. Как-то глупо было смотреть на жирафа и молчать.

Вот и сейчас кольнуло похожим. Впрочем, зря. Если бы ему самому кто-нибудь рассказал про неподъемные камни-голыши, он бы не только на фантазию подумал.

Видимо, ощутив вину, Алиса придвинулась ближе и посмотрела снизу вверх, сочувственно сложив брови домиком.

– Что было дальше?

– Ну, она опять мне по ладони пальцем поводила и ушла на кухню, хлопнула холодильник, а вернулась уже с ножом. И без предупреждения по ладони – фигак! Про экзамены что-то говорила. *И тебе будет от себя польза, только скажи, пожелай... Вот так, пока не зажило, потрогаешь, загадаешь – все сдашь, даже если не учил. Чего хочешь желай пока. А как поверишь – ко мне вернешься...* И про капусту. Капуста ей вроде была нужна.

– Ха! – сказала Алиса. – Ха-ха! Так значит, твоя рука желания исполняет?

Мирон изобразил здоровой ладонью фейспалм. Пока кривлялся, понял, что нужно делать, – и размотал бинт.

Порез был на месте – бледный, чуть влажный, с приоткрытыми краями.

– Валяй, проверяй, – произнес он с деланным безразличием.

– Подожди. – Алиса выхватила из-под тетрадки смартфон и забегала пальцами по экрану. – Шорный – это... Хм. «Относящийся к ременной упряжи и другим техническим изделиям из кожи». Прости, но... Серьезно?

Первым не выдержал и расхохотался сам Мирон. Смех был истерическим, нехорошим, зато Алиса веселилась от души.

– Ременная упряжь! – всхлипывала она. – Изделия из кожи! Хочу, – и кончик ногтя очертил вокруг пореза кривой овал, – чтобы появился пони! Здесь только пони не хватает!

Оба внезапно смолкли, будто у них разом пропал голос. Осторожно осмотрелись, но пони из шкафа не выскочил.

В комнате потемнело – снова собирался дождь, казалось, лета в этом году вообще не будет. Над крышей гроыхнуло и покатилося, затихая.

– Слава богу, – серьезно сказала Алиса. – Просто спятившая бабка.

– Вообще чокнутая, – согласился Мирон. – Ну, я пойду.

– Ага. – Алиса подобрала с пола книгу. – Надо учить.

– Мне тоже, я еще не...

Он бы признался, что по-хорошему даже не начинал готовиться, но в палисаднике захрустело.

– Наверное, с-собака, – сказала Алиса, которая вдруг начала заикаться. – Соб-бачка с улицы зашла.

– Какая-то слишком большая собака, – возразил Мирон. – К тому же собаки не...

Он прислушался. Сквозь треск кустов смородины, высаженных вдоль ограды соседкой, отчетливо доносилось пофыркивание.

Раскосые глаза Алисы округлились, Мирону показалось, что он отразился в них в полный рост.

– Я посмотрю, – прошептала она и выглянула в окно. Через мгновение Алиса уже шуршала в прихожей одеваясь и приговаривала: – Милый! Он такой милый!

Пока она бежала на задний двор, Мирон посмотрел тоже. В смородине топтался – нет, точно не пони, а совсем крошечный рыжий бычок. Или похожее на него существо – и выглядело оно беспомощно.

– Иди ко мне! – Это появилась Алиса. В ее протянутой руке была морковь. – Иди сюда! Не бойся!

Тот покачулся, лизнул язычком черный глянцевоый нос и зашагал к еде. Когда он захрустел морковью, Алиса обернулась к Мирону с широченной улыбкой:

– Это зубренок! Маленький зубр в нашем саду! – Она осторожно погладила жесткую шерсть между ушами.

– Мне не послышалось? Ты сказала «зубр»?

Хлопнула рама: из соседней квартиры высунулась Катя, ее окна тоже выходили в сад. Катя жила одна и работала из дома, кем – никто точно не знал, но застать ее можно было в любое время, не считая продолжительных поездок. Судя по загару, с которым она возвращалась, – удачных.

– Точно, зубр, – сказала она невозмутимо. – Офигеть. Как он сюда попал?

– Чудеса! – отозвалась все еще сияющая Алиса.

Только тогда Мирон наконец-то отмер, накинул куртку и выскочил наружу. На бегу до боли выкручивал кожу на запястье, но ничего не исчезло.

Зубренок сложил тонкие ноги и улегся на траву. Мирон осторожно потрогал его пальцем. Обернулся – соседки в окне уже не было. Скорее всего, сейчас выйдет.

– Давай убирай, – прошипел он и поднес рассеченную ладонь к Алисиному лицу. – Убери его, пока никто не заметил!

– Не буду. – И снова хвостом на затылке затрясла. Как же она его сейчас бесила! – Он живой. И маленький. Я хочу, чтобы он жил.

В глазах Алисы мгновенно вспыхнули слезы. Мирон вскочил и зашагал туда-сюда по участку, ероша волосы. Даже не представил, а увидел, как если бы смотрел старый фильм: вот он сидит в железном кресле, похожем на пыточное, с вытянутой левой рукой, закрепленной ржавыми скобами на подлокотнике так, что не пошевелиться. А перед ним (камера поднимается выше, чтобы охватить картинку целиком) нескончаемая людская очередь. Люди как нетерпеливая вода, затопившая улицы. Он умирает, но им все равно – сначала они будут прикасаться к трупу, а после понесут его высохшую руку по городам, и везде к ней будет выстраиваться толпа, и она не иссякнет, как не заканчиваются желания, – никогда...

– Мирочка, ну пожалуйста... – заныла вдалеке Алиса. – Оставь его, а?

– Тебя, узкоглазую, забыл спросить! – хрипло рубанул Мирон и провел пальцем по ладони. «Пусть не будет никакого зубра. И все забудут про зубра. Насовсем!»

– Нашла! – крикнула Катя из своего окна. – Приокско-Террасный заповедник. Готовы забрать!

Мирон разлепил ресницы. Зубренок, живой и невредимый, спал на земле рядом с Алисой. Она сидела не шевелясь, а сверху сыпали мелкие капли дождя.

* * *

Нет доказательств, что зверь появился по волшебству. Алиса загадала пони – ни о каких зубрах речи не шло. Скорее всего, он действительно заблудился и... Так совпало. Хотя ребята из заповедника напрочь отменили такую возможность: зубры в Подмоскovie не водятся, разве что в их заповеднике, но этого они видели впервые.

Зачем он ее обидел? Ведь никогда даже мысленно так не называл. Самая красивая девочка в классе – не только Мирон так думал. Ее мама, тетя Яна, Янмаа, была тувинкой, а папа – русским. Но дело даже не в этом, а в том, что Алиса – она своя, лучший друг. И вряд ли его простит. Он бы сам себя не простил, вот разве что... Если бы во всем и правда была виновата чертова магия.

Мирон вскочил с компьютерного кресла, распахнул створки шкафа и забежал взглядом по корешкам. Для начала – «Гарри Поттер», затем – «Викканская магия», а в конце... «Молот ведьм»? Книжки не помогут – разозлился он и хлопнул дверцей так, что задребезжало стекло. Вот бы проверить так, чтобы... наверняка.

Мирон снова лег. В холодном свете настольной лампы изучил левую ладонь. Обычная, не слишком чистая. Надо бы посыпать баноцином и заново перевязать. Не хватало еще из-за бабки заражение схватить.

– Телефон хочу, – тихо сказал он, отворачиваясь к стене. – Как у меня, только новый.

Затем достал из-под подушки потертый «самсунг» – сообщений не было. Быстро, пока не передумал, написал: «Прости, не знаю, что на меня нашло». Подождал еще немного, но Алиса так и не прочла.

* * *

Утром нужно было тащиться на консультацию, и мама об этом знала – разбудила за час и, пока он вяло плескал в лицо чуть теплой водой, варила кофе и поджаривала на сливочном масле ломтики хлеба. Вчера случилось что-то плохое, от этого внутри было пусто, будто кусочек вывалился. Вспомнилось: Алиса. Я же Алису обидел.

– Мира, – неуверенно заговорила мама, пока он жевал и смотрел в окно. Думал: зайти за ней, как обычно, или в школе поговорят? А если она и там будет отмораживаться? – У меня к тебе вопрос.

– М-м? – На извинения так и не ответила, хоть и прочитала. Дурак, вот дурак...

Мама села напротив и положила перед собой белую коробочку, запечатанную в пленку. Под ее пальцами угадывались цифра 7 и добавление PLUS. Кофе встал у Мирона в горле.

– Твой? – Так значит, правда. Собственное тело вдруг показалось Мирону неподъемным. Он мотнул головой. – А откуда? Ты знаешь, он девяносто тысяч стоит.

Откуда? Об этом он не подумал. Да и хотел-то попроще, чтобы только быстрее работал и без царапин. Теперь не отбрехаешься...

Мирон поднял ладони:

– Я сейчас все объясню, это...

Мама ахнула:

– А с рукой-то что?

– Порезался, – ответил он быстро.

Казалось, мама вот-вот расплачется.

– Я поняла. Все поняла: рука, телефон... Мой сын – вор. Я воспитала преступника. Вот что. После школы мы вместе поедем туда, где ты его взял, и вернем. Я попрошу не подавать заявление. Если нужно – заплатим...

– Все не так! – вскинулся Мирон. – Это подарок от одного... человека.

– Даже если подарок... – Мама слегка смягчила тон, но взгляд ее остался настороженным. – Это слишком дорого. Верни его, пожалуйста, тому *человеку* и скажи, чтобы впредь так не делал. Если тебе нужен новый телефон, мы решим это сами.

Мирон взял коробку со стола и поплелся к лестнице. Вслед раздалось:

– Мы договорились?

– Да! – крикнул он и захлопнул за собой дверь.

Джинсы оказались мятыми, футболка тоже, да и черт с ними. Возвращать айфон было некому. Можно, конечно, пользоваться вне дома, но риск спалиться по неосторожности был велик, и тогда неизбежен скандал. А если продать? Тех денег, что можно было выручить, Мирон сроду в руках не держал. Хотя, раз теперь он маг, наверное, и их может пожелать. Интересно, что тогда появится. Ацтекские какао-бобы?..

Даже магия у него бракованная.

Алиса молчала. Убедившись в этом, Мирон швырнул старенький телефон в рюкзак и замер, озаренный очевидной мыслью. Он подарит айфон ей! После такого она точно не сможет больше обижаться. Один магический косяк как бы нейтрализует другой. От простоты решения даже голова болеть перестала. Мирон вышел из дома, будто уже был прощен – с легкостью. Так же легко прыгнул на скейтборд и покатил вниз по улице – Алиса, должно быть, уже в школе, из-за разговора с мамой он опаздывал.

Пахло дождем и влажной травой. Дорога от дома до школы занимала десять минут неспешным шагом – по прямой, мимо таких же таунхаусов за невысокими коваными оградками, всего три пересечения со съездами с главной дороги – и на месте. А на доске – не больше пяти. Мирон на всякий случай притормозил перед пешеходным переходом, пропуская настырно ползущую тонированную «девятку», и не сразу сообразил, когда та остановилась прямо перед ним. Еще подождал, но так ничего и не дождался. Пьяные они там, что ли? Лучше уступить. Он нагнулся, чтобы поднять скейт. Пассажирская дверь приоткрылась, и изнутри показались черные ботинки с длинными носами. Ботинки переходили в узкие джинсы. Всего остального Мирон разглядеть не успел – удар в плечо отбросил его на газон.

– Мобилу давай, – просипел пассажир «девятки». У него зверски тряслись руки. Он засунул их между коленями, пытаясь то ли согреться, то ли унять тремор, и выглядел откровенно фигово.

Мирон молча нашарил в рюкзаке «самсунг» и протянул дрожавшему парню. Тот повертел его перед глазами и швырнул об асфальт.

– Че там у тебя еще, давай. Быстрее давай!

– Денег нет, – сказал Мирон и получил еще один тычок. Каким-то невероятным образом этот тощий тип ухитрился завладеть рюкзаком и сейчас копался в его содержимом. Один на один Мирон бы его поборо. Но в машине ждал водитель, а может, кто-нибудь еще. В задний карман узких джинсов отправился кошелек с несколькими сотенными бумажками. Следом из рюкзака показалась белая коробочка в пленке.

При виде нее парень внезапно рассвирепел.

– Школота с-собачья, – процедил он и коротко сунул Мирону кулаком в лицо.

Как уехала «девятка», Мирон не видел – он стоял на коленях, уткнувшись лбом в траву, и пытался перетерпеть боль. Левая рука, казалось, раскалилась, и он коснулся ее прохладными пальцами правой. Подумал: «Чтоб ты сдох», подобрал разбитый телефон и рюкзак с разъявленной пастью.

Вдалеке тонко взвизгнули тормоза, металлически грохнуло и разлетелось. Зажав под мышкой скейт, Мирон побрел обратно домой. Никого не хотелось видеть. Думать о произошедшем – тоже.

Однако побыть в одиночестве было не суждено. Дома почему-то оказалась мама, хотя должна была уже уйти. Мирон привычно соврал, что навернулся со скейта, приложил к скуле замороженную курицу и уселся в углу, глядя в потолок.

– Бабушка Нина заболела, – сказала мама. – Я собираю вещи, мы с отцом едем в Питер. Пока на неделю, а там посмотрим.

Страшнее всего прозвучало это слово – «отец». Мама папу никогда так не называла – или по имени, или «папа», – а теперь оно было как звонкий костыль, на который она, падая, опиралась и шла то на второй этаж за плащом, то снова на первый, чтобы взять из шкафа документы. Отец-тец-тец. Мирон сжался и сам себе казался теперь очень маленьким. Бабушка Нина, мамина мама, любила присылать посылки, и уже выросший внук ждал их с тем же нетерпением, что и в десять лет. В посылках были конфеты и одежда, иногда книги. Бабушка Нина жила в Питере. Как-то раз Мирон с Алисой ездили в Питер вдвоем и целый месяц каникул гуляли по городу, ходили в музеи и слушали обстоятельные бабушкины рассказы обо всем-всем («Вы слишком быстро идете, молодые люди, город за вами не успевает, вы не увидите больше, если будете так бежать, – совсем наоборот»). Алиса ее обожала. И Мирон тоже, хоть и не признавался вслух – достаточно было дифирамбов подруги, казалось, ей безумно нравится восторгаться бабушкой Ниной, хотя сама бабушка Нина ужасно смущалась от постоянных комплиментов Алисы. Но он тоже ее любил. И она не заслуживала того, чтобы стать расплатой за его желание.

«Чтоб ты сдох...»

Нужно было спросить, что случилось, а он спросил неправильно – о том, что могло бы очистить его совесть:

– Когда?

– Да только что. Они с подругой на кухне сидели, разговаривали, мне подруга и позволила – слава богу, что рядом была. Бабушка все забыла. Пила чай и вдруг стала спрашивать, кто она, где, – ничего не помнит. Скорую вызвали. Папа уже мчит сюда, пообедаем и поедем. Ты как, недельку один поживешь? Я попросила Алису, чтобы она за тобой присмотрела.

Нет, было бы слишком просто, слишком вне правил этой новой, неизвестной ему игры.

– И что Алиса? – спросил Мирон, пряча лицо за курицей.

– Ну что Алиса? Согласилась, конечно. Будет следить, чтобы ты учил, все сдал и вообще не падал духом. – Проходя мимо, мама взъерошила ему волосы. – Все будет хорошо, бабушка у нас сильная.

Едва ли сильнее магии. А виноват Мирон. И ведьма с сумкой, которая все это подмутила. *Ведьма!* Она начала – значит, сумеет и остановить.

Отъезда родителей он дожидался как на иголках. Поели супа, выпили кофе, папа отнес вещи в машину и долго укладывал их в багажник, не возмущаясь количеству сумок – вдруг придется задержаться. Обнялись, по семейной традиции присели «на дорожку». Раньше Мирон над этим посмеивался, а сейчас смирно высидел положенную минуту, пока мама давала последние наставления: напоминала, где лежат деньги, и просила, если что, не стесняясь обращаться за помощью к тете Яне.

– Ну, пора! – сказал наконец папа.

– Пора, – эхом отозвалась мама и чмокнула Мирона в щеку. Для этого ей пришлось встать на цыпочки.

– Позвоните, когда доедете!

Ага, «позвоните». Убедившись, что машина отъехала, Мирон поднялся в свою комнату и стал выдвигать все ящики подряд. Хлам пер наружу, но он героически заталкивал бумаги, провода и геймпады обратно и переходил к следующему, пока не наткнулся на то, что искал. Огрызок с пятого класса: экран 4,7 дюйма, камера 8 мегапикселей, 4 гигабайта памяти, на задней крышке сохранилась наклейка с надписью «Мирон Отдельнов» и черно-белым мячиком – мама заказывала такие в прачечной и клеила на его школьные вещи.

Хотя бы какая-то связь.

Укрепив дух, Мирон переоделся в светлые джинсы и толстовку, пригладил расческой волосы и вышел под дождь.

* * *

Подниматься в квартиру не хотелось – страшно было снова оказаться там, откуда все началось. Помыкавшись у подъезда, Мирон запрокинул голову и попытался отыскать бабкины окна. Впрочем, толку от этого не было: сейчас день, и понять, дома она или нет, невозможно. Придется идти. Загадал: если лифт снова сломался, значит, нужно вернуться домой. Как бы знак такой, что ему туда не надо. Заскочил в подъезд, чуть не врезавшись в выходивших оттуда людей, вдавил кнопку... Лифт послушно потащился вниз. Ладони вспотели – рану под бинтом защищало. На девятый этаж Мирон ехал, кажется, целую вечность – и столько же топтался под дверью, прислушиваясь к звукам из квартиры: телевизор, стук крышки по кастрюле. Там она, точно. Была не была...

– Никак поверил? – сощурился в дверной щели ехидный бабкин глаз, и Мирон шагнул в знакомую прихожую. Накурено было – жуть.

Пока разувался, бабка уковыляла в кухню, бряцнула форточкой.

– Чего застрял? Сюда иди! Сама приглашаю, не бойсь.

Мирон неловко прошел за ней и уселся на облупленный табурет, поджав под него ноги.

– А я и не боюсь.

Суется, бабка на мгновение открыла холодильник, и Мирон увидел полки, плотно заставленные банками с красной икрой. Бабка поймала его взгляд и подмигнула:

– Просила-то капусты да морковки, а ты вон чего отчудил.

Извлекла одну банку, щедро черпанула оттуда ложкой, сунула ее в рот и причмокнула:

– От склерозу помогает!

– Сделайте как раньше, – пискнул Мирон и откашлялся. Повторил уже громче: – Мне это не нужно, я хочу, чтобы все вернулось.

– Чего вернулось-то? – без интереса спросила бабка, помешивая в кастрюле.

– Я из-за этого вот... – начал он и запнулся, не понимая, каким словом обозначить свою проблему. – У меня одни беды. Я друга потерял, меня избили, телефон отобрали, а теперь еще и бабушка...

– А-а! Так ведь не отдашь – не возьмешь. Наперед просьбы надо жертвочку приложить... У Мирона потемнело в глазах.

– Какую, на фиг, жертвочку? – взвился он, даже на ноги вскочил и крепко сжал кулаки, забыв про рану. – Я не хочу! Мне не надо! Забирайте себе!

– Не могу забрать, – выпалила бабка и пальцы в кукиш свернула. – Не могу забрать – не мое. Шорным родился – шорным и помрешь. Не хочешь сам – вон, рука заживет, и не трогай. А другие-то, кто знает, завсегда тебя пользоваться будут. Надоумить могу, защитить, про жертвочки скажу, но не просто так – послужить придется. Коли я тебя нашла – всё, аллес! – И так ладонью о ладонь шлепнула, что Мирон вздрогнул и будто пришел в себя: разом увидел и кухню, и бабку, и свое перепуганное лицо, и даже что в кастрюле борщ.

– Вот же хрень, – отрезал он.

Сунул ноги в кеды и выскочил из квартиры.

* * *

В этот раз каждый притащил то, что сумел раздобыть: домашних животных, своих или соседских, овец, свиней, колбасу, в отдалении мычала корова. Жертвы, жертвочки. Мирон приоткрыл пересохшие веки и увидел, как женщина, похожая на его маму, передает мужчине, похожему на монаха, котенка. Мужчина, похожий на монаха, морщится, но сжимает на пушистом тельце лапищу, затянутую в крагу. Трещит огонь. Внутренний голос шепчет: «Не смотри!» Ладонь уже не чувствует прикосновений, ее затерли до кровавых волдырей. Как только просительница отходит, появляется следующая – с ребенком месяцев шести. Младенец смотрит прямо на Мирона и радостно пускает пузыри, мать смаргивает слезы и передает его мужчине, похожему на монаха, – не смотри! – и вот ей нужна только рука, его рука-а. А-а. А-а-а!..

Прикованный Мирон дернулся, застонал и проснулся.

Он лежал на диванчике в кухне, уткнувшись носом в спинку. Подушка под головой промокла, рука онемела. Пахло фастфудом. Темноту разгоняла лампа над плитой, в ее белом свете тени казались еще чернее.

– Проснулся? Есть будешь?

Голос Алисы заставил его сжаться и глубже зарыться в спинку дивана. Мирон сказал:

– Прости. Я так не думаю.

– Я знаю, – ответила она ровно. – Сейчас десять вечера. Мы заказали гадостей в «Бургер Кинге», и на тебя тоже. Все остыло, я разогрею.

– Я ходил к бабке, – просипел Мирон, не оборачиваясь. – Все правда, и ничего не изменить.

Пискнула микроволновка. Запах картошки фри усилился.

– Нужно готовиться к ЕГЭ, – сказала Алиса. – Начнем завтра.

Он вскочил как подброшенный, схватил подушку и вжался в нее лицом.

– Да какой, к черту, ЕГЭ? Ты не понимаешь!

Она не понимала. Если бабка нашла его – наверняка найдут и другие. Те, что знают и начнут *пользоваться*. Даже если Алиса никому не проговорится, настанет момент, когда все прочее станет для нее неважно – только эта его магия, так всегда бывает, и тогда она отыщет его, из-под земли достанет, и на что она будет готова, чтобы исполнить очередное желание?

Заплатить? Шантажировать его тем, что разболтает о магии всему миру? Отпилить чертову руку?..

– Ты чего? – раздался осторожный голос. – Плачешь, что ли?

Мирон ожесточенно потер глаза и дернул плечом, которое гладила Алиса. Она сунула ему под нос коробку с креветками, и он не сдержался – вытащил одну за хвост и хрустнул, проталкивая поглубже застрявший в горле ком.

– Я, – наконец выдал он, – таким родился. Бабка сказала.

– Видимо, – вздохнула она, не убирая руки. – Я кое-что вспомнила, давно еще подслушала. Ты знаешь какую-нибудь Настю?

– Коробкову, из нашего класса, – подавив всхлип, выдал Мирон. – И еще Фролову, дочь маминой подруги, но мы не очень общаемся. Она странненькая.

Настя Фролова и правда была странненькой. Младше Мирона на год или чуть больше, в школу она пошла раньше. В первом классе ей быстро стало скучно – перевели сразу в третий, потом в лицей с углубленным изучением китайского, а в пятнадцать она уже поступила в МГИМО, самостоятельно выучив хинди и суахили. Пару раз они встречались семьями в центре. Мирон и Настя шатались в окрестностях Кривоколенного переуллка, пока взрослые пили вино на летней веранде, но общение не заладилось: в то время как Настя выдавала заученную информацию о старейшем жилом доме в Москве и его прежних владельцах, Мирон играл на телефоне в «Майнкрафт».

– Во, – закивала Алиса, – наверное, это про нее твоя мама моей рассказывала. Я тогда не поняла ничего, только сейчас сложилось. Эта Настя должна была умереть до года. У нее в пять месяцев обнаружили болезнь спинного мозга – СМА. Один укол лекарства – около ста пятидесяти лямов. Когда тебе исполнилось два, Настина мама приехала тебя поздравить. Пока все праздновали, она от тебя не отходила. Ты поранил руку, заплакал, она стала водить тебе по ладони «тень-тень», чтобы успокоить, и сказала твоей маме: «Вот бы мою увидеть такой же, вот бы нашлось лекарство...»

– Черт! – простонал Мирон и спрятал голову под подушку.

Голос Алисы доносился теперь издалека.

– И после этого Настя пошла на поправку. Врачи говорили: чудо, невозможно, не бывает. И не просто тебе выздоровела. Она вундеркинд!

– А что случилось плохого?

– Чего? – не поняла Алиса.

– Расплата, – пояснил Мирон из своего укрытия. – Я из-за твоего «пони» с тобой поссорился. А тут что? У меня должна была нога отвалиться или там язык отсохнуть.

– Как видишь, не отсох, болтаешь ты что надо. Не знаю, Мир. Но если это правда... – Она стащила подушку с его головы и приблизилась так, что у Мирона во рту пересохло. – Нужно что-то делать! Представляешь, сколько таких Насть выздоровеет благодаря тебе? Ты же теперь как супер...

– Нет.

– Но почему?

Мирон посмотрел ей в глаза, сухость во рту сменилась горечью, не похожей на креветки, которые он ел.

– Потому что мне страшно.

– А ты не признавайся, – пожала плечами Алиса, будто речь шла не о жизни и смерти, а о списанной контрольной. – Никому не говори, в чем дело. Никакой магии нет. Придумай запутанный ритуал, пусти пыль в глаза – главное ведь результат, правда? Сам подумай: ты можешь все! Даже ЕГЭ этот сдать без подготовки, – нервно усмехнулась она. – Если бы я так умела, ни секунды бы не сомневалась!

– В жо... – начал он, и тут зазвонил телефон. Глянул на экран – мама. Поспешно договорил: – ...В жонглировании важно не только освоить все трюки, но и правильно подобрать мячи.

Сжав телефон в руке, Мирон взбежал по лестнице в свою комнату. Плотнo прикрыл дверь и только тогда ответил:

– Да.

– Не спишь? – сонно спросила мама.

– Не-а, – бодро ответил он. – Ужинаю. К ЕГЭ готовился.

– Умничка моя. Мы еще едем. Все хорошо, дорога пустая, но в ямах – только что чуть колесо не оставили. От папы привет.

– И ему, – машинально ответил Мирон и замялся. – Слушай, а помнишь Настю Фролову?

– Настенька, конечно! Она недавно уехала в Пекин, стажирuется. Уже деньги зарабатывает...

– Ага. – Мирон сглотнул сухим горлом. – Она ведь болела в детстве, да?

– Страшно болела! – Судя по легкому маминuму тону, секретом это не было. – Бедная моя Вера, но потом тьфу-тьфу-тьфу, сейчас сам знаешь – все более чем.

– А со мной... года в два было что-то плохое?

Мама хмыкнула. Мирон слышал, как она передала его вопрос папе, тот рассмеялся, а затем ответила в трубку:

– Ты был лучше всех! Самый здоровый и веселый.

Мирона прошиб холодный пот.

– погоди, Настину маму же тетя Надя зовут.

– Ну, – посерьезнела мама. – Надежда – мачеха. А была Вера. Ты разве не помнишь? Сам же спрашивал, как в нее залез рак... Еще потом в море боялся заходить.

Па-ра-па-пам, подумал Мирон и щелкнул по замершему на столе «вечному двигателю». Пыльные шарики ожили и закачались.

– И тетя Вера... умерла?

– Лет десять как, Мир. Ты чего вдруг?

Он шумно выдохнул.

– Мам, а что бы ты сделала, если бы могла сделать вообще все? Ну, как магия.

Мама ойкнула, перебросилась парой неразборчивых фраз с папой и совершенно серьезно, так, что у Мирона не возникло ни малейшего сомнения в ее честности, ответила:

– Дороги. Идеальные дороги по всей стране. Что еще тут можно пожелать?

И отключилась, видимо, пропала связь.

Так это не он расплатился ссорой с Алисой, а, наоборот, она! И слова эти дрянные он сказал не потому, что они где-то там в нем глубоко сидели и вот наконец нашли выход, а из-за ее желания... Она трогала его руку тогда. Дальше он делал сам – и огребал тоже сам. Впрочем, это мало что меняло. За Настину жизнь тетя Вера расплатилась своей. Сердце ухнуло: бабушка...

Никогда больше, никогда, никогда.

В кладовке под лестницей царил порядок: зимние вещи и обувь убраны в коробки, лыжи приторочены к стене, палки от них – в углу. Мирон включил лампу и пошарил в ящике с шарфами и шапками. Скомканные водительские перчатки нашлись на самом дне. Мама давно их не надевала: как она говорила, сменила стиль. Мирон натянул одну на здоровую, правую руку, сжал и разжал пальцы. Ничего, привыкнуть можно. Или нет, это странно, только привлекает внимание. Так ничего и не придумав, он вернулся к Алисе.

Оставив на столе коробки с едой, она вышла в прихожую.

– Завтра зайду, будем готовиться вместе.

Мирон знал, что Алиса зубрит маниакально, и не ждал ничего хорошего. Но то, что произошло потом, оказалось еще хуже.

Алиса пропала.

Глава 2. Костяная рука

Она не пришла ни утром, ни днем. Мирон как раз стащил с себя одеяло и потер висок – вчера опять заигрался и лег, когда небо в щели между штор начало уже светлеть. В голове молотки стучали по рельсам. Он достал из-под подушки телефон, разблокировал: половина первого. Можно еще часок поваляться, а потом заказать пиццу и, пока ее везут, быстренько смотаться в душ. Пожрать, вызвонить Димона – и двигать в Мск смотреть вторых «Стражей Галактики». Не забыть сделать чатик для тех, кто хочет присоединиться, и вечером затусить дома с родительскими запасами пива и его, Мирона, «плкой».

Успокоенный тем, что получилось так отлично распланировать день, он перевернулся на другой бок в надежде подремать под шум дождя, но помешал, как ни странно, тот самый идеальный план. Сбыться ему было явно не суждено. ЕГЭ.

«Впереди три недели, – мысленно ответил Мирон гогочущему внутреннему паникеру. – За это время можно с нуля выучить, а я все-таки что-то знаю».

«ГЭ! ГЭ!» – не сдавался тот.

Ладно, черт с тобой.

Спать уже не хотелось, да и смотреть на развеселых «Стражей» с их проблемами, когда у самого над душой висят экзамены, – тоже. Мирон спустился на первый этаж, замечая на ступеньках комки пыли, которых вчера еще не было, и щелкнул кнопкой чайника. От пустоты в доме стало тоскливо. Хоть бы Алиса...

Кстати, где Алиса? Пообещать что-то и не сделать было не в ее стиле. По крайней мере, написала бы. А может, и написала? Надо посмотреть с компа – старый смартфон отторгал мессенджеры. Не пришла – значит, изменились планы. Мирон внезапно развеселился – значит, и учить не надо, можно отложить. «Стражи» снова начали казаться не такими уж тупыми.

С почти легким сердцем он заварил себе растворимый кофе и собирался было вернуться наверх, чтобы заказать двойную пепперони, когда зазвучала мелодия домашнего телефона. Понадобилась пара минут, чтобы отыскать трубку в прихожей.

– Да, – ответил он, зевая. – Да, тетя Ян. Про бабушку не знаю, пока новостей нет. Что-то передать Алисе?

– Мясо! Мясо на таймере! Пусть зайдет и выключит духовку. Я утром ей говорила, но вы наверняка забыли с этой своей учебой. Мясо съешьте и не сидите весь день, сходите в сквер, сегодня вроде потеплело.

Она думает, что Алиса у него?.. Но ее здесь нет. Может, не хотела, чтобы родители знали, где она. А ему-то зачем было врать? Так бы и сказала: прикрой меня завтра – он бы не стал лезть с вопросами. Признаться, что не приходила? Если Алиса знает про духовку, то уже должна

вернуться. Подпалить дом ради каких угодно тайных дел – это за гранью добра и зла. Надо рассуждать здраво: от двери до двери десять шагов – не дойти просто невозможно. Значит, к нему она и не собиралась.

– Ага, тетя Ян, передам, – скороговоркой произнес Мирон и закрыл глаза, будто она могла увидеть его и раскусить вранье. – До свидания!

Он представил, как мама Алисы сидит в своем кабинете в детской поликлинике, за дверью очередь, на подоконнике фикус. Сидит и ни о чем не волнуется...

Отпирая соседнюю квартиру запасными ключами, Мирон все еще надеялся застать Алису дома. Пусть даже не одну. Но мясо, судя по запаху, действительно подгорало. Духовка была включена. Мирон выкрутил ручку на ноль, достал раскаленный противень и бухнул его на плиту. О ногу потерялся кот Корица – его пустая миска стояла тут же, за холодильником. Кота стало жалко. Мирон отыскал пакет с кормом под мойкой, сыпанул немного в миску и уселся на пол рядом, наблюдая, как кот хрустит сухарями. Не могла же она исчезнуть? Конечно, нет – сейчас влетит запыхавшись и рассыплется в извинениях за забытую духовку. Еще и «Стражей» из-за нее пропустил...

Мирон вернулся к себе, на всякий случай оббежав вокруг дома. Набрал номер Алисы, выслушал гудки, отправил ей с компа несколько сообщений в «ВК» – в последний раз она была в Сети рано утром – и, чтобы отвлечься, раскрыл учебник.

* * *

В пять часов вечера Мирон обнаружил, что бежит по улице Советской с банкой колы в руке. Банка оказалась пустой. Он смял ее и, не сбавляя ходу, метко швырнул в корявую урну возле бабкиного подъезда. Дверь была распахнута и подперта кирпичом – словно только его и ждали. Еле разойдясь с рабочими, которые стаскивали по ступеням пыльные белые мешки, Мирон влетел в лифт и только тогда почувствовал, что колени дрожат и подгибаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.